

хлопья слепили глаза, немцы перестали стрелять, а я все не переставал карабкаться прочь из этой западни. Выбравшись из оврага, я упал в снеговой намет, побарабхатся в нем и отключился.

Метель все продолжалась...

Прошло много времени, пока я пришел в себя. Была ночь. Я лежал, уткнувшись носом в снег, пальцы рук были покрыты тонкой ледяной корочкой от подтаявшего и снова замерзшего снега. Ног я тоже не чувствовал, снег набился в дырявые подошвы валенок, и это не прибавляло тепла раненой ноге, ее я просто не чувствовал. Передо мной – я рассмотрел – было что-то темное, массивное. Строение? Нет, скирда соломы. Сразу осенило: очень удобное место для немецкого поста наблюдения. А вот и приглушенный разговор... Я пропал! И вдруг доносится простой русский мат... Ура! Наши! Я крикнул: «Братцы!» – молчок. Опять крикнул: «Братцы! Помогите раненому!» Подошли двое, спрашивают:

- Чего ты здесь?
- Не знаю, удирал от танков.
- Куда ранен?
- В ногу.

Помогли, затащили в нору под скирдой. Тепло. Дали закурить. Их оказалось восемь человек, среди них – двое раненых. Подремали до рассвета, потом вылезли, стали двигаться к видневшемуся невдалеке селу.

Все хаты пустые. Пошарили - ничего съестного не нашли. В одном, крупном кирпичном доме заметили в окне за занавеской горящую свечу. Постучали в окно. Оказалось – немцы согнали туда всех жителей села и приказали лечь на пол. Село Казачий Майдан. Нам посоветовали идти в лес, видневшийся в конце села, куда они направляли всех, выходящих из окружения. Идти мне было довольно трудно, хотя меня поддерживали под руки солдаты. В лесу на